

БЕРЕГ ДЕТСТВА

Вертикос – это далеко. Даже в век нано-техно-инновационного развития. А 75 лет назад так и вовсе – край света. Но для 80 детей из ленинградского детского дома №82 это был не просто затерянный в тайге уголок Сибири, это была земля, в прямом смысле слова спасшая им жизнь. В августе 1942 года они плыли сюда по Оби на двухпалубном колесном пароходе «Тихонов», чудом вырвавшись из большой братской могилы, в которую превратился Ленинград с началом его блокады 8 сентября 1941 года.

Стук смерти

То, что пережили те дети, – за гранью понимания современного человека, щекочущего себе нервы на фильмах про войну в 3D-кинотеатрах. В декабре 1941 года в Ленинграде разворачивалась трагедия, какой еще не видел мир, точнее, какой еще не бывало в изощренной истории истязаний одних людей другими. Блокированный со всех сторон Ленинград попросту умирал. Мучительная голодная смерть стала реальной перспективой для более чем трех миллионов ленинградцев, которым некуда было деваться из западни германского вермахта. К началу войны в городе находилось 400 тысяч детей.

20 ноября 1941 года произошло самое большое за всю историю ленинградской блокады, пятое по счету, снижение продовольственных норм. На рабочую карточку можно было получить 250 граммов суррогатного хлеба. Служащие же, иждивенцы и дети могли рассчитывать на 125 граммов. Тогда в пищу стали употреблять то, что еще три месяца назад невозможно было представить в качестве съестного: столярный клей – из него варили, как говорили блокадники, «вполне сносный студень», олифу – на ней жарили, глицерин, с которым пили кипяток, варили кожаные вещи – ремни, портфели... Чтобы приготовить эти кушанья, в «буржуйках» жгли книги и мебель. По официальным сведениям, в декабре 1941 года в Ленинграде умерли 53 тысячи человек. Это примерно столько же, сколько умерло здесь за весь предыдущий год. В январе и феврале следующего года умирают еще 200 тысяч. Символом блокады стали детские саночки, на которых люди везли трупы своих родных и близких. В общей сложности этот кошмар закончился смертью для 630 тысяч ленинградцев. Это намного больше жертв атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Пока американцы упражнялись в ноу-хау, немцы нас убивали по старинке – голодом...

Из воспоминаний Зои Николаенковой, воспитанницы ленинградского детского дома №82:

- Мы с мамой жили вдвоем. До зимы еще кое-как дотянули, но с первых дней декабря начались страшные морозы. Мама была сильно истощена и не могла ходить. Однажды утром она не проснулась. Не знаю, сколько я просидела около ее кровати, когда к нам зашла папина сестра. Увидев, что произошло, – она привела «похоронную команду». Это были двое мужчин, настолько худых, что у них не было сил взять труп и нормально его вынести. Взяв тело за ноги, они волоком потащили его из квартиры. До сих пор у меня стоит в ушах стук маминой головы о ступеньки лестницы.

Живые мертвые

До Вертикоса ленинградский детский дом №82 добирался месяц. 80 детей от 7 до 14 лет сначала плыли на пароходе через Ладожское озеро под непрекращающейся бомбежкой, потом ехали на полуторках двести километров по лесной ухабистой дороге, затем в поезде, где в вагонах периодически раздавался возглас: «У вас все живы?», и, наконец, по Оби.

Вот как вспоминают их прибытие в Вертикос очевидцы М.Н. Туркеева и А.М.

Шевкунова:

- Это были настоящие дистрофики, ходячие тени. А подняться им надо было на крутой высокий берег. И они, бедненькие, кто ползком на коленках, кто, поддерживая и подталкивая друг друга, взбирались на берег. Некоторых воспитатели и местные жители несли на руках. Только через месяц мы услышали их голоса...

Сила слабых

Первым делом их повели в столовую. Каждому дали по тарелке ароматного янтарного бульона с плавающими в нем кружляшками жира и маленьким кусочком рыбы. Это была

уха из стерлядки, к которой прилагался ломоть только что испеченного хлеба. На всю жизнь они запомнили тот первый вертикосский обед.

На свежем воздухе и усиленном питании (им полагался двойной паек) блокадники потихоньку поправлялись. Старшие ребята помогали воспитателям выращивать на огороде овощи, заготавливать дрова и собирать дикоросы. Завели даже небольшую ферму с коровами, лошадью и свиньями.

Дети продолжали учиться в вертикосской школе. Читая дневник директора школы, понимаешь, почему мы победили в той войне. Здесь, за четыре тысячи километров от линии фронта, едва не умершие с голода, лишившиеся самого дорогого, что только может быть у ребенка – родительской любви и самого дома, эти подранки воевали с Гитлером, а заодно и с половиной сытой, холеной цивилизованной Европы, воевали как могли, подпирая с тыла своими слабыми ручонками Красную Армию.

Из отчета директора школы пос. Вертикос 1941-42 г.г.

Активное участие принимали учащиеся в создании фонда обороны страны. Школой отправлено на фронт шесть посылок. Собрано 197 вещей для Красной Армии.

Учащимися школы собрано из заработанных средств 455 рублей на строительство авиазвена «Нарымский Комсомолец», 220 рублей на строительство танка «Таня».

Осенью школьниками собрано и сдано 500 кг грибов.

Были и праздники. Ленинградцы привезли с собой костюмы кружка самодеятельности и ставили спектакли и концерты. Когда маленький, щупленький Вадик Федотов высоким, срывающимся голосом читал из Чехова: «Дедушка, родненький, забери меня отсюда» – рыдал весь зал.

«Мама Тася, приезжай!»

В тот пасмурный день «Тихонов» гудел особенно долго. Капитан что-то кричал, но, как ни старались, – расслышать слова не могли. Тогда с судна в воду полетели бутылки.

Маленький Саша Венедиктов смог выловить одну из них. В ней была записка:

«Директору ленинградского детского дома, всему коллективу. Сегодня, 9 мая, в 10 часов получено сообщение: ОКОНЧЕНА ВОЙНА. Поздравляю от всего коллектива парохода «Тихонов» с окончанием войны. Капитан Яков Гребнев».

Вскоре тот же «Тихонов» увозил детей обратно, в Ленинград. С берега им махали рукой, утирая слезы, вертикосцы – воспитатели, учителя, просто жители – все, кто приютил и ухаживал за детдомовцами все эти годы, кто полюбил их, как родных, кто голодал сам, но отдавал им последнее. Обливалась слезами и Анастасия Половинкина, 29-летняя учительница колпашевской школы, встречавшая их на этой пристани три года назад и тащившая обессиленных детей на себе в гору. Она быстро стала для них «мамой Тасей». Сама, имея двух маленьких детей, она сутками пропадала в детском доме, понимая, что кроме нее у этих малышей, наивные глаза которых видели мучительную смерть своих родителей, больше никого нет на всем белом свете. И вот они уезжают. Навсегда. На пароходе тоже плакали и кричали: «Мама Тася, приезжай!». Она действительно приедет 40 лет спустя в Ленинград на встречу «детей блокады» и с трудом будет узнавать в поседевших немолодых людях своих Аликов, Настен и Ванечек. На груди у некоторых будут награды. Саша Венедиктов, выловивший тогда, в 1945-м, бутылку с запиской об окончании войны, – закончил архитектурно-художественное училище и стал резчиком по камню, получив известность при реставрации скульптур Летнего сада, Большого Петергофского дворца и Монплезира. Но самая главная его работа – дневник Тани Савичевой, выбитый на гранитном обелиске, что теперь стоит у «Дороги Жизни». Проявили себя и другие. Валя Макушина стала актрисой в ленинградском театре. Интересно, что, как выяснилось впоследствии, она является правнучкой известного томского мецената, просветителя и общественного деятеля, купца Петра Макушина.

Вкус детства

Недавно в Вертикосе побывала бывшая воспитанница детского дома Зоя Николаенкова. Вожатая вертикосской школы Галина Гардер помогла ей тогда отыскать место, где стоял детский дом. Когда пришли на яр, Зоя Афанасьевна без слов упала на землю, широко раскинув руки, и зарыдала.

Вечером в семье Гардер гостью решили накормить царским деликатесом: ухой из стерляди. И вновь Зоя Афанасьевна расплакалась. Рассказала, как именно такой ухой

их кормили в день приезда в Вертикос.

Узнав, что это за гостя, проводить ее вышло немало вертикосцев, конечно, с гостинцами: рыба, цветы... Зоя Афанасьевна обнимала всех подряд и срывающимся голосом благодарила.

Теплоход отчалил. До поворота она стояла на палубе и махала оставшимся на пристани. Берег ее детства медленно уплывал вдаль. Теперь уже точно – навсегда.
Николай ПИГАРЕВ.

Благодарим за предоставленные материалы Оксану Иванову, работника Вертикосской промплощадки «Газпром трансгаз Томск».